

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.06.2026 г.

DOI: 10.24412/2076-1503-2026-8-137-141

Дата принятия рукописи в печать: 13.07.2026 г.

МУСАТОВ Владимир Викторович,

Аспирант юридического факультета Финансового
университета при правительстве Российской Федерации,
e-mail: musatov.vladimir2001@gmail.com

Научный руководитель

ПОПОВА Наталия Федоровна,

доктор юридических наук, профессор кафедры
международного и публичного права юридического
факультета Финансового университета при правительстве
Российской Федерации,
e-mail: popova@fa.ru

ЦИФРОВЫЕ ПРАВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЦИФРОВОЙ СЕКТОР ФИНАНСОВОГО РЫНКА

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что цифровые права в российском праве эволюционировали из частноправовой конструкции, предназначенной для фиксации отдельных имущественных прав в информационной системе, в особую форму финансовых инструментов, формирующую самостоятельный цифровой сектор финансового рынка. Доказывается, что их современная правовая природа раскрывается через совокупность трех признаков: функциональную близость к классическим финансовым инструментам, наличие собственных видов цифровых активов и существование самостоятельной инфраструктуры выпуска, учета и обращения под надзором Банка России. Показано, что цифровые права занимают промежуточное положение между объектом гражданских прав и инструментом организованного финансового рынка: они во многом развиваются по логике рынка ценных бумаг, однако не растворяются в нем и не утрачивают собственной регуляторной идентичности. Особое внимание уделяется долговым цифровым финансовым активам как функциональному аналогу облигаций, институту иностранных цифровых прав и законопроекту № 1194918-8, который усиливает тенденцию к институциональному оформлению цифрового сектора финансового рынка через введение новых категорий цифровых инструментов и элементов специальной инфраструктуры.

Ключевые слова: Цифровые права; цифровые финансовые активы; долговые цифровые финансовые активы; иностранные цифровые права; финансовый рынок; рынок ценных бумаг; информационная система; оператор информационной системы; оператор обмена; цифровой депозитарий; Банк России; финансово-правовое регулирование.

MUSATOV Vladimir V.,

Postgraduate Student, Faculty of Law, Financial University under
the Government of the Russian Federation

Research supervisor

POPOVA Natalia F.,

Doctor of Legal Sciences, Professor of the Department of
International and Public Law, Faculty of Law, Financial University
under the Government of the Russian Federation

DIGITAL RIGHTS AS AN INDEPENDENT DIGITAL SEGMENT OF THE FINANCIAL MARKET

Annotation. The article substantiates the proposition that digital rights in Russian law have evolved from a private-law construct intended to record certain proprietary rights within an information system into a distinct form of financial instruments constituting an independent digital segment of the

financial market. It is argued that their contemporary legal nature is revealed through a combination of three features: their functional proximity to traditional financial instruments, the existence of their own categories of digital assets, and the presence of an independent infrastructure for issuance, accounting, and circulation operating under the supervision of the Bank of Russia.

The study demonstrates that digital rights occupy an intermediate position between an object of civil rights and an instrument of the organized financial market: although they largely develop according to the logic of the securities market, they neither dissolve into it nor lose their own regulatory identity. Particular attention is devoted to debt-based digital financial assets as a functional analogue of bonds, the institution of foreign digital rights, and Draft Law No. 1194918-8, which reinforces the trend toward the institutionalization of the digital segment of the financial market through the introduction of new categories of digital instruments and elements of specialized infrastructure.

Key words: *Digital rights; digital financial assets; debt-based digital financial assets; foreign digital rights; financial market; securities market; information system; information system operator; exchange operator; digital depository; Bank of Russia; financial law regulation.*

Исходная нормативная точка исследования закреплена в ст. 128 и 141.1 ГК РФ [10]. Российский законодатель отнес цифровые права к объектам гражданских прав и определил их как названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются по правилам информационной системы. С одной стороны, она демонстрирует частноправовую исходную природу цифровых прав. С другой стороны, она сразу выводит их за пределы классического гражданско-правового инструментария, поскольку существование и оборот права связываются не только с волей сторон, но и с технологически и нормативно организованной средой обращения.

Именно поэтому в доктрине первоначально преобладал осторожный подход, согласно которому цифровые права не образуют нового самостоятельного имущественного права, а представляют собой новую форму юридической фиксации уже известных правомочий. Такой взгляд отражен в работах Л.Ю. Василевской и Е.А. Суханова, которые фактически связывали цифровое право не с возникновением нового объекта имущественной природы, а с особым способом существования обязательственных и иных прав в цифровой среде. Аналогично А.А. Волос указывал на ограничительный характер законодательной конструкции ст. 141.1 ГК РФ и на невозможность ее произвольного распространения на любые цифровые активы [2; 3; 5]. Данная линия рассуждений сохраняет методологическую ценность, однако в ее чистом виде уже недостаточна для объяснения современной практики обращения цифровых прав.

Недостаточность чисто цивилистического объяснения обусловлена тем, что в реальном обороте цифровые права начали выполнять не только удостоверительную, но и рыночную функцию. Их выпуск, учет, передача, обременение и допуск к обращению осуществляются через специальные информационные системы; круг участ-

ников ограничивается субъектами, включенными в специальные реестры; надзорные полномочия сосредоточены у Банка России; а отдельные цифровые инструменты по своим экономическим свойствам воспроизводят конструкцию долгового, инвестиционного либо квазиценно-бумажного инструмента. Следовательно, если на уровне общей теории гражданского права цифровые права могут рассматриваться как форма фиксации имущественных прав [11], то на уровне функционирования финансового рынка они уже выступают как новая форма финансовых инструментов. Именно в этом состоит ключевое изменение: цифровые права — это не просто «оцифрованные права», а права, получившие самостоятельную рыночную функцию [4].

Место цифровых прав в системе финансового оборота следует определять как смежное по отношению к рынку ценных бумаг. Федеральный закон № 259-ФЗ [12] закрепляет, что его требования не распространяются на обращение безналичных денежных средств, электронных денежных средств и выпуск, учет и обращение бездокументарных ценных бумаг. Одновременно тот же закон предусматривает, что выпуск, учет и обращение эмиссионных ценных бумаг, возможность осуществления прав по которым удостоверяется цифровыми финансовыми активами, регулируются Законом о рынке ценных бумаг [13] с учетом специальных особенностей. Следовательно, законодатель сознательно развел три близких, но не совпадающих режима: классические ценные бумаги, платежные инструменты и цифровые права. Это означает, что цифровые права развиваются рядом с рынком ценных бумаг, заимствуя его логику учета, обращения и допуска, но не утрачивая собственной нормативной автономии.

Наиболее наглядно финансово-инструментальная природа цифровых прав проявляется во внутренней типологии этой категории. Федеральный закон № 259-ФЗ [14] определяет цифровые

финансовые активы как цифровые права, которые могут включать денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Более того, с конца 2025 г. законодатель специально выделил долговые цифровые финансовые активы, включающие исключительно денежные требования, исполняемые только денежными средствами. По сути законодатель формирует внутри цифровых прав отдельные подвиды финансовых инструментов с собственной экономико-правовой функцией. Именно поэтому долговые ЦФА допустимо рассматривать как функциональный аналог облигаций, хотя и не как их юридический тождественный эквивалент. Такое сопоставление не стирает различий между классическим долговым рынком и цифровым сегментом, но демонстрирует, что цифровые права воспроизводят базовую архитектуру финансового рынка в новом технологическом формате [1].

Важным подтверждением самостоятельности цифрового сегмента финансового рынка является и появление института иностранных цифровых прав. Банк России в мае 2025 г. специально разъяснил, что такие инструменты могут обращаться в России, если по своему содержанию они аналогичны российским цифровым финансовым активам и соответствуют дополнительным критериям регулятора. Эти критерии направлены не на техническое признание актива, а на селективный допуск трансграничного цифрового инструмента в российский регулируемый оборот: иностранные цифровые права не должны быть связаны с ценными бумагами недружественных эмитентов, не должны удостоверять права на получение недопущенных инструментов или криптовалюты, а условия их выпуска не должны предполагать блокировку со стороны эмитента либо рассмотрение споров исключительно в недружественных юрисдикциях [15]. Следовательно, иностранные цифровые права занимают промежуточное положение между внутренними цифровыми правами и трансграничными финансовыми инструментами. Уже одно это обстоятельство показывает, что исследуемая конструкция развивается по правилам финансового рынка, где вопрос допуска актива к обращению имеет не меньшее значение, чем вопрос его частноправовой квалификации. [2]

Рыночная статистика также подтверждает, что цифровые права перестали быть единичным экспериментом. Согласно обзору Банка России за 2025 год, в реестр операторов информационных систем были включены новые участники, общее число операторов выросло до 19, а совокупный

объем размещенных ЦФА достиг 1,65 трлн руб. При этом около 98% всего размещенного объема ЦФА в 2023–2025 гг. составили долговые выпуски, сопоставимые с облигациями по природе денежного требования [1]. Эти данные демонстрируют несколько интересных моментов. Во-первых, они подтверждают, что внутри цифровых прав уже доминируют не случайные конструкции, а устойчивый класс долговых инструментов. Во-вторых, они свидетельствуют о формировании полноценного сегмента рынка с массовым выпуском и повторяющимися моделями заимствования. В-третьих, сам Банк России описывает рынок ЦФА через понятия инфраструктуры, эмиссии, концентрации, дефолтов и посредников, то есть через категории, характерные именно для финансового рынка, а не для нейтрального гражданского оборота.

Сказанное позволяет точнее определить соотношение цифровых прав и ценных бумаг. Представляется некорректным утверждать, что цифровые права уже стали новой разновидностью ценных бумаг в формально-юридическом смысле. Однако не менее некорректно отрицать, что они являются новой итерацией финансовых инструментов, исторически и функционально продолжающей логику развития рынка ценных бумаг. Подобно тому как бездокументарная ценная бумага в свое время изменила форму существования классической бумаги, цифровое право меняет форму возникновения, обращения и учета имущественного притязания, связывая его не с документом и не только с реестровой записью, а с правилами информационной системы и цифровой инфраструктурой исполнения. В этом смысле цифровые права наследуют рынку ценных бумаг его инвестиционную и оборотную функцию, но переводят ее в иной технологический и нормативный контур [5].

Специальный режим регулирования цифровых прав проявляется и в том, что их оборот не исчерпывается гражданским правом. Закон № 259-ФЗ [16] встроен в систему публичного финансового регулирования: он предполагает надзор Банка России, специальные требования к инфраструктурным субъектам, ограничения по допуску отдельных инструментов, защиту квалифицированных и неквалифицированных инвесторов, а в смежных вопросах — связь с законодательством о противодействии легализации преступных доходов, о рынке ценных бумаг и о национальной платежной системе. На этом фоне доктринально верным представляется вывод М.А. Лапиной и П.А. Патрикеева о необходимости финансово-правового осмысления цифровых активов, а также позиция А.И. Химченко, согласно которой ЦФА трансформируют инвестиционную инфраструктуру и актуализируют вопросы доверия и защиты

инвестора [4; 7]. Следовательно, специальный режим регулирования цифровых прав не является факультативным приложением к гражданскому обороту; напротив, именно он превращает цифровые права в элемент организованного финансового рынка.

Дополнительным доказательством данной тенденции выступает новый законопроект № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах», принятый Государственной Думой в первом чтении 8 мая 2026 г. По его конструкции цифровые права перестают восприниматься как фрагментарно урегулированное приложение к закону о ЦФА и получают признаки развернутого институционального рынка. По тексту законопроекта [17] и его описанию предполагается введение понятий обращения цифровых прав, организации их обращения, расширение круга профессиональных участников, а также дальнейшее развитие инфраструктурных элементов, включая цифровой депозитарий и цифровой счет. Нормативный смысл этого проекта состоит не просто в расширении терминологии, а в закреплении модели, при которой цифровые права получают собственную институциональную архитектуру, сопоставимую по сложности с классическим рынком финансовых инструментов. Следовательно, законопроект служит прямым доказательством того, что государство рассматривает цифровые права уже не как частный казус цифровизации имущественного права, а как самостоятельный сектор финансового регулирования [9].

Особое значение законопроект имеет для подтверждения авторской мысли о внутренней дифференциации цифровых прав. Если действующий закон уже знает ЦФА, долговые ЦФА и иностранные цифровые права, то проектное регулирование направлено на дальнейшее таксономическое развертывание цифровых инструментов, объединяя в единое регулирование унитарные цифровые права, вводя понятие гибридных цифровых прав и иные формы. Из этого, как представляется, можно сделать осторожный, но важный вывод: цифровые права развиваются не как единственный объект, а как «семейство» инструментов, внутри которого возможно дальнейшее появление новых подвидов, подобно тому как в традиционном финансовом праве исторически формировались самостоятельные группы долговых, долевого и производных инструментов. В этом состоит принципиальная разница между статичной гражданско-правовой квалификацией и динамикой финансового рынка: на первом уровне мы видим закреплённый объект, на втором — развивающийся класс инструментов с собственной внутренней специализацией [1; 2].

Не менее важно и разграничение цифровых прав со смежными категориями. Закон № 259-ФЗ прямо противопоставляет цифровые финансовые активы и цифровую валюту: если цифровая валюта определяется через отсутствие обязанного лица перед каждым обладателем, то цифровые финансовые активы и иные цифровые права предполагают наличие такого обязанного субъекта либо юридически определенного имущественного требования. Данное различие имеет не только теоретическое, но и системообразующее значение. Оно показывает, что цифровые права не равны криптоактивам в широком смысле и не совпадают с цифровой валютой как инвестиционно-платежным феноменом. Напротив, они занимают более определенное место в правовой системе: это цифровые инструменты, права по которым структурированы, юридически закреплёны и включены в режим регулируемого обращения. Благодаря этому цифровые права оказываются ближе к традиционной конструкции финансового инструмента, чем к нерегулируемому обороту криптоактивов [8].

Таким образом, цифровые права в современном российском праве обоснованно следует квалифицировать как новую форму финансовых инструментов, формирующую самостоятельный цифровой сегмент финансового рынка. Их новизна состоит не в полном разрыве с классическим правом финансового рынка, а в особом способе соединения частноправового содержания и публично-правовой инфраструктуры обращения. Они являются частью эволюции финансовых инструментов и в этом смысле продолжают логику рынка ценных бумаг; однако они не совпадают ни с бездокументарными ценными бумагами, ни с электронными денежными средствами, ни с цифровой валютой. Их самостоятельность подтверждается наличием собственных видов цифровых активов, специальных субъектов инфраструктуры, особого режима допуска к обращению и надзора со стороны Банка России, а также направлением дальнейшего законодательного развития, воплощенным в законопроекте № 1194918-8. Следовательно, цифровые права — это уже не периферийный объект цифровой экономики, а нормативно и институционально оформляющийся сегмент финансового рынка, стоящий рядом с традиционным рынком ценных бумаг и способный в перспективе развиваться как самостоятельная подсистема финансово-правового регулирования [1].

Список литературы:

- [1] Банк России. Обзор финансовых инструментов за 2025 год: аналитический материал. М., 2026.
- [2] Василевская Л.Ю. Токен как новый объект

гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5.

[3] Волос А.А. Цифровые права: некоторые проблемы толкования правил статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Банковское право. 2024. № 3.

[4] Лапина М.А., Патрикеев П.А. Цифровые активы как объект финансовых правоотношений // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. № 5.

[5] Суханов Е.А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6.

[6] Баракина Е.Ю. Правовой статус оператора цифровой платформы: теория и практика // Финансовое право. 2023. № 2.

[7] Химченко А.И. Цифровые финансовые активы: вопросы защиты прав и доверия инвесторов // Юрист. 2024. № 7.

[8] Грошев С.А. Цифровая валюта и стейблкоин: соотношение понятий для целей налогового регулирования // Налоги и налогообложение. 2024. № 6.

[9] Госдума приняла в первом чтении законопроект о цифровой валюте и цифровых правах // Адвокатская газета. 2026. 8 мая.

[10] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

[11] Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

[12] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

[13] О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ.

[14] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

[15] О дополнительных требованиях к иностранным цифровым правам, которые могут быть квалифицированы в качестве цифровых прав: Указание Банка России от 01.04.2025 № 7036-У.

[16] О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

[17] Законопроект № 1194918-8 «О цифровой валюте и цифровых правах» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской

Федерации.

References:

[1] Bank of Russia. Overview of financial instruments for 2025: analytical material. M., 2026.

[2] Vasilevskaya L.Yu. Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law // Actual problems of Russian law. 2019. № 5.

[3] Volos A.A. Digital rights: some problems of interpretation of the rules of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation // Banking law. 2024. № 3.

[4] Lapina M.A., Patrikeev P.A. Digital assets as an object of financial legal relations // Problems of economics and legal practice. 2019. № 5.

[5] Sukhanov E.A. On the civil law nature of "digital property" // Bulletin of civil law. 2021. № 6.

[6] Barakina E.Yu. Legal status of a digital platform operator: theory and practice // Financial law. 2023. № 2.

[7] Khimchenko A.I. Digital financial assets: issues of investor protection and trust // Lawyer. 2024. № 7.

[8] Groshev S.A. Digital currency and stablecoin: correlation of concepts for tax regulation purposes // Taxes and taxation. 2024. № 6.

[9] The State Duma adopted in the first reading a bill on digital currency and digital rights // Lawyer newspaper. 2026. May 8.

[10] Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law No. 30.11.1994 of 51-FZ.

[11] Civil Code of the Russian Federation. Part One: Federal Law No. 30.11.1994 of 51-FZ.

[12] On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ.

[13] Securities Market: Federal Law No. 22.04.1996 of 39-FZ.

[14] On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ.

[15] On additional requirements for foreign digital rights that can be qualified as digital rights: Bank of Russia Ordinance No. 01.04.2025, dated 7036-U.

[16] On digital financial assets, digital currency and on amending certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of 31.07.2020 No. 259-FZ.

[17] Bill No. 1194918-8 "On Digital Currency and Digital Rights" // System for ensuring the legislative activities of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation.